

✦ В порядке дискуссии

UDC 316.752.4

DOI: 1606-951X.2016.2.2148

А.А. ПЕЛИПЕНКО

МАНИФЕСТ НЕОМОДЕРНА

Аннотация: Статья-манифест представляет собой жёсткое алармистское обращение, написанное в резкой и нелюбимой для сложившегося дискурса форме. В сжатой тезисной, подчас декларативной и заострённой форме, автор перечисляет главные проблемы современного мира, которые не могут быть решены в рамках установленных в современном мире «правил игры». Не ограничиваясь «диагнозом», автор предлагает модель выхода: не наиболее возможную, а, с его точки зрения, наиболее разумную и конструктивную.

Abstract: Article-manifesto is a rigid alarmist appeal, written in a sharp and hard-hitting to the existing form of discourse. In a succinct concise, declarative and sometimes sharpened form, the author lists the main problems of the modern world, which can not be resolved within the framework established in the modern world «rules of the game». Besides the «diagnosis», the author proposes a model release not more possible, and, from his point of view, the most sensible and constructive.

Ключевые слова: кризис, цивилизация, человек, культура, ментальность, система, постмодерн, неомодерн.

Keywords: a crisis, civilization, human, culture, mentality, system, postmodern, neomodern.

По-иному это обращение было бы уместно назвать на более алармистский лад: спасти современную цивилизацию, и адресовать всем, кто осознаёт масштаб нынешнего системного кризиса и глобальные угрозы, которые он несёт человечеству. Речь идёт не об экономике, экологии, демографии, борьбе за ресурсы, эпидемиях, голоде и иных подобных факторах — привычной повестке дня, навязываемой официальным дискурсом.

Глубокий и всеохватный кризис современного мира имеет корни, далеко уходящие от социально-экономических, политических и экологических проблем. Они — лишь верхушка айсберга. В основе же, прежде всего, кризис антропологический. Говоря попросту, *человечество сильно упало в цене*. На первый взгляд, это может показаться парадоксом. Казалось бы, никогда прежде наиболее развитая часть человечества

так не тряслась над жизнью каждого отдельного индивидуума, как это имеет место теперь на Западе. Но доводимый до абсурда индивидуализм не отменяет, но лишь затушёвывает в сознании «субъекта потребления» бессмысленность, бесперспективность и безысходность дальнейшего существования для человечества как целого. Достигнув определённой возрастной по историческим меркам стадии, человечество будто махнуло на себя рукой, смирившись с перспективой самоуничтожения (вырождения, деградации, медленного умирания).

Ничего не получилось!

Счастья не будет!

В будущем — ничего хорошего!

Всё заранее надоело!

Для тех же, кто не страдает потребительской и информационной пресыщенностью, проблема формулируется проще и лапидарнее: справедливости в мире нет и не будет. И тех, и других объединяет в разной степени осознанная идея: человек — дрянь, идеалов и образцов для исправления не существует, да и зачем оно нужно?

Человек сам себе надоел, сам от себя устал, сам себя возненавидел.

Его душа утомилась от бесконечных самообманов и химер: как религиозных, так и светских. И насчёт самого себя у него нет более никаких иллюзий. Дрейфующая идентичность отвлекает и развлекает, но не лечит от экзистенциальной тоски.

Благополучный Запад пришёл к таким умонастроениям от пресыщенности, иные общества — от неизбежной отсталости и безнадёги. Нынешний кризис — это не кризис экономики или политики, демографии или экологии. Это *кризис значимостей*. Кризис смыслов, которые питали человеческое существование по меньшей мере с осевой эпохи.

Историческая зрелость человечества приходится на золотой век мировых религий спасения, которые способны были задавать «большие смыслы», стратегические ориентиры, увлекать в будущее эсхатологического мифа его непреложностью. Эти большие смыслы ещё продуцировались культурой и после кризиса религиозного (прежде всего, христианского) сознания. Но прошлый век поставил на них жирный крест. Постмодернизм торжественно провозгласил: больших смыслов больше нет. Это было не предсказание, а констатация сложившегося положения дел. Однако до сих пор значительная часть человечества по инерции ищет ответ не на вопрос: как жить в отсутствии больших смыслов, а как их вернуть (изобрести, найти, придумать). С таким состоянием умов человечество входит в системный кризис.

Остановлюсь лишь на ключевых моментах.

Развивающаяся часть человечества, представленная ведущими цивилизациями, прежде всего, Западной, находится под серьёзнейшей угрозой, исходящей как изнутри, так и извне.

Внутренняя угроза — в системе сложившихся в послевоенный период ложных и деструктивных стереотипов общественного сознания, связанных, условно говоря, общим, социалистическим/леволиберальным, абстрактно-гуманистическим и постмодернистским комплексом. Внешняя угроза — размывание, причём добровольное, этнокультурных идентичностей под давлением нашествия «новых варваров», главным образом, из бедных и социально отсталых стран Ближнего Востока.

По сути, сталкиваются два мира: мир, ориентированный на постоянное усложнение, мир продуктивной эволюции и развития, и мир агрессивного, примитивизу-

ющего упрощения — мир контрэволюции. Угроза захлестывания вторым миром первого сильна, как никогда.

Перед лицом названных угроз наблюдается: первое — отсутствие адекватного понимания масштаба надвигающейся культурно-цивилизационной катастрофы, и второе — прямое предательство «бюрократическим интернационалом» и «системным» истеблишментом своей цивилизации, капитуляция и откровенный отказ от её защиты. Это не глупость, и не ошибка. Это — историческое преступление. И относиться к нему следует соответствующим образом. Необходимо немедленное изменение повестки дня.

Приведу лишь некоторые на этот счёт соображения.

Прежде всего, следует решительно отказаться от фетишей и лжеценностей, навязываемых леволлиберальным истеблишментом.

1. Права человека. На фоне кризиса традиционного религиозного сознания, они из фигуры политического дискурса превратились в икону псевдогуманистического миропонимания. Заявляю: *никаких прав человека «вообще» не существует. Нет обязанностей — нет прав. Люди РАЗНЫЕ по своей культурно-антропологической природе, по типам ментальности. И потому никаких общих прав у них быть не может.* Как нет, например, свободы для врагов свободы.

В связи с этим, необходимо *юридически* определить содержания понятий: *нацизм, фашизм, расизм, колониализм* и за демагогическое «навешивание ярлыков» привлекать к судебной ответственности.

Доктрина культурно-антропологического равенства — одна из самых опасных и реакционных (контрэволюционных) идей современности. Через неё в мир приходит архаизирующее упрощение, и из-за неё буксуют социальные механизмы разрешения противоречий между общественным и индивидуальным. Неспособность сложившегося квазигуманистического мировоззрения адекватно осознавать и выстраивать взаимоотношения между индивидуумом и обществом — один из ключевых аспектов кризиса.

Без уточнения «какого человека?» — никаких разговоров о правах. Любой человек имеет лишь одно право — жить в *своей* культурно-цивилизационной системе, и современный мир должен ему это право обеспечить. А остальные права и обязанности определяются уже самой этой системой. И никаких прав вообще, и человека вообще.

2. Насилие. Насилие — один из *универсальных языков культуры*, и в этом качестве оно должно быть оправдано и легимитизировано. С субъектами, не понимающими иных языков, следует говорить на языке насилия и *только на нём*. В этом смысле война — совершенно нормальная форма международных отношений. Трусливо-лицемерный принцип: терпеть всё, что угодно, идти на любые уступки, и с чем угодно соглашаться, лишь бы не было жертв — должен быть решительно отброшен. Долой абстрактный пацифизм! Этот сомнительный «дар» постмодернистского мировоззрения с архаичными морализаторскими подпорками стал слишком дорого обходиться цивилизации.

Война — историческая неизбежность. И военные жертвы — тоже. Не стану рассуждать о том, то война войне рознь, но всегда были и остаются вещи поважнее мира. Ещё неизвестно, что хуже: сама война, или отсутствие в обществе идей, ради которых люди готовы воевать. И чтобы окончательно не упало в цене всё человечество, следует более спокойно реагировать на потерю жизней отдельных его представителей и групп.

Трусливо-инфантильные разговоры о степени приемлемости того или иного масштаба потерь должны быть решительно пресечены и отброшены. Армия существует для того, чтобы воевать. И постиндустриальных стран с гипертрофированно раздутой ценностью человеческой жизни это тоже касается. Неприемлемо одно — проиграть войну. Остальное — приемлемо! А если варварский мир навязывает цивилизованному миру войну, то неприемлемо также и требовать соблюдения на войне законов мирного времени. Пора раз и навсегда заявить лицемерам всех мастей: на войне насилие в правовые рамки *не укладывается*.

Иное дело, что в мирных условиях насилие должно быть правовым. Насилие и толерантность могут существовать только в режиме взаимного ограничения. Никакой толерантности без права на ответное насилие! Правовое насилие не только приемлемо, но и необходимо.

3. Долой политкорректность! Необходимо разоблачить и решительно отбросить нарративы леволиберального и абстрактно-гуманистического дискурса. Долой возведённое в норму лицемерие. Называть вещи своими именами. Долой абсурдный новояз и запрет на слова и смыслы! Долой политидиотизм!

Долой мультикультурализм! Защита этнокультурной идентичности — право и долг каждого цивилизованного человека.

Долой толерантность «в одну сторону»! Будем терпимы к иному ровно настолько, насколько иной терпим к нам.

Долой гендерные теории и насилие над человеческой природой!

Долой чёрный расизм и голубой фашизм! Если все нации равны, то никто не должен быть «равнее». Пусть секс-меньшинства живут как хотят, но недопустимо делать их хозяевами жизни и сознательно культивировать их сообщества.

Хватит носиться с верующими, как с любимыми детьми! Снять табу на критику религиозных убеждений. Рациональное мышление должно перестать платить дань средневековому мракобесию. Хватит уважать варварство и тупость! Речь, разумеется, не идёт о каком-либо притеснении верующих, но лишь о решительном пресечении любого рода религиозного давления на любые стороны жизни и любые формы общественного сознания. Место религии — в резервации!

Разоблачить отгораживание религиозного фундаментализма от самих его религиозных основ, которые якобы носят мирный характер. Любая традиционная религия — по сути своей враждебна современной цивилизации и принципам эволюционного усложнения. Кто не согласен — пусть приведёт хоть один пример органичного сочетания ислама с демократией.

Хватит шельмовать победителей! Культ слабости — плохая замена ненавистному культу силы. Но если уж никак нельзя жить без культа — то пусть будет культ сложности.

Но мы не ратуем за примитивный социал-дарвинизм. Следует помогать выживать не сильнейшему, а сложнейшему. Вот кредо, соответствующее универсальному эволюционному мейнстриму.

В общественном сознании необходимо максимально снизить влияние так называемых «яйцеголовых интеллектуалов» — главным образом, леволиберальной профессуры, детей 1968 г., отравляющих вздорными и самоубийственными идеями сознание вот уже третьего поколения.

Долой самоубийственный гуманизм! Хватит опровергать законами «нравственности» законы естества. Следует всеми средствами, в том числе и военно-силовыми,

помогать народам, стремящимся избавиться от репрессивных диктаторских режимов, и вводить эти страны в орбиту передовых цивилизаций.

Тем же, кто не желает покинуть матрицы традиционного существования — *не помогать ни в чём*. никоим образом не вмешиваться в их дела. Жёстко отсекают от высоких технологий. Не кормить, не лечить, не учить, не принимать беженцев. Такие страны необходимо (1) изолировать, (2) локализовать, дабы они не распространяли вокруг себя деструктивные процессы. Голодают — пусть голодают. Умирают — пусть умирают. Это естественные самоорганизационные процессы. Нежизнеспособное ДОЛЖНО умирать и не надо ему в этом препятствовать. За абстрактную любовь к ближнему, дальнему и очень дальнему развивающаяся часть человечества уже заплатила достаточную цену. Пусть каждый народ в полной мере вкусит плоды своего исторического выбора. Кто ищет в подобных рассуждениях простой басенной морали — пусть обратит внимание на ряд стран, освободившихся от «колониального гнёта», спасти которые от полного провала в хаос и разруху можно лишь вторичной колонизацией. Но делать этого не надо. Пусть каждый будет предоставлен «своей собственной диалектике» (Гегель). Кто желает возвратиться в первобытность — пусть возвращается. Главное — чтобы не мешали соседям жить по-другому.

Речь не идёт о правой альтернативе, или о заталкивании проблемы в заведомо узкую дихотомию: левый — правый. Позиция политических правых узка, ограничена, слишком политизирована, лишена серьёзных философских и культурно-антропологических аргументов, и слишком консервативна. А во многих случаях просто тупа и реакционна. Люди с глазами на затылке ситуацию не спасут. Кроме того, в ряде политических вопросов позиции правых предстают не менее абсурдными и деструктивными, чем позиции левых.

Важнейший, как уже отмечалось, вопрос — гармонизация отношений общественного и индивидуального в условиях дискредитации большинства социальных институтов и небывало развитой самости отдельного индивида. Об этом — отдельно.

Смысловые и ценностные измерения общества в целом, и отдельного индивидуума — несоизмеримы, как килограммы и километры. В истории проблема решалась обычно так: человек понимался как представитель той или иной страты: половозрастной, этнической, конфессиональной, сословной или иной группы. На него проецировались среднестатистические (общепринятые) черты этой группы и априорно ему вменялись. В соответствии с этим, ему причитались и соответствующие права, и обязанности, и социальный статус. Так человек обретал социокультурную идентичность и упорядочивал свои отношения с социумом.

Современный человек с его дрейфующей идентичностью, высоким уровнем самости, самоактивности и сложной ментальной структурой не хочет и не может более самоопределяться в навязываемых ему культурой стратах. Это тот случай, когда количество исключений вынуждает, в конце концов, менять правила. Нужны новые критерии стратификаций. Пример: большинство мусульман-мигрантов в развитых странах ведут паразитический образ жизни, даже не пытаясь ассимилироваться. Адекватное решение на уровне всей страты — лишение пособий и депортация. Но как быть с теми, кто ассимилируется, или, по меньшей мере, пытается? В нынешней системе отношений есть только два теоретических выхода: либо депортировать вместе со всеми, либо ради них оставить всех остальных. Такие контрпродуктивные решения более терпеть *невозможно*.

Следует провести новые разграничения между людьми по типу их ментальности. Условно говоря: варвары — налево, люди цивилизации — направо. Люди, живущие в парадигме упрощения — налево, в парадигме усложнения — направо. И ключевой лозунг: Варвар! Руки прочь от цивилизации! Будь варваром, но сюда не лезь!

Здесь возникает ещё один важнейший аспект проблемы: отношение к *другому*. Исходя из *постгуманистической* парадигмы, отношение к *другому* должно строиться на следующих принципах.

1. К *другому* следует относиться, как к *другому*, а не как к своему искажённому отражению. Прекратить проецировать себя на другого! В связи с этим все нравственные максимы логоцентрической эпохи от Конфуция до Канта, предписывающие отношение к другому, как желательное отношение к себе, при всей их самоочевидности, должны быть перечёркнуты. Ибо люди *разные*.

2. Первое основание идентификации *другого* состоит в определении: варвар ли это, или человек цивилизации.

3. От результатов этой идентификации зависит выбор *этической системы* отношений с данным субъектом или группой.

4. С человеком цивилизации можно, при всех культурных различиях, вести диалог на основе некоей общей мировоззренческой и этической платформы. Диалог этот может быть невероятно сложен, но он *возможен* как таковой. Здесь можно говорить о взаимопонимании, сближении позиций, взаимном движении навстречу друг другу.

5. Коммуникация с варваром возможна *только при переходе на его язык*: — язык монолога, язык насилия и диктата. Волящая себя воля — единственное, что по-настоящему слышит и чему внимает варвар. Потому единственно возможный с ним язык коммуникации — это язык его ценностей, его норм, его правил и традиций. Позиция силы — единственная, которую он признаёт и уважает. И только с этой позиции с ним можно говорить, а не учить, растолковывать и навязывать ему язык цивилизации. При этом, сердобольные разговоры о том, что варваров такими сделала неблагоприятная среда, не просто вздорны и беспочвенны, но и просто бессмысленны, поскольку не имеют никакого практического значения. Какая разница, почему варвар ведёт себя по-варварски. Для науки это может представлять интерес. Для практических отношений — нет. Словом, *с варваром — по-варварски!* Но если среди десяти агрессивных мигрантов-паразитов восемь оказываются мусульманами, то депортировать их из страны надо не в качестве мусульман, а в качестве варваров.

Помимо того, что этот принцип диктуется обычным здравым смыслом, он вписывается в новую *постгуманистическую* доктрину. Суть её в отрицании глубоко укоренившегося в общественном сознании религиозно-этического мировоззрения. Основа его слишком хорошо известна, а вариации слишком разнообразны, чтобы подробно на этом останавливаться.

Лучше, перефразируя известное выражение, указать, «от какого наследия мы отказываемся».

1. Не мешать умирать нежизнеспособному, и тем самым отбросить противоестественную и антиэкологическую установку, навязанную мировыми религиями.

2. Долой абстрактную и нереализуемую в принципе любовь к человеку вообще (ко всему человечеству). Любить всех — значит не любить никого. Любовь к человеку содержательна только в масштабе его жизненного мира, и только в рамках конкретных социокультурных отношений.

На наших глазах закрывается не просто страница, а целый раздел книги человеческой истории. Это значит, что мы стоим на развилке, в которой количество возможных альтернатив резко возрастает, и самые «безумные» проекты становятся вероятными. Но если господство постмодернизма ведёт к энтропии вместо эволюции, к деградации и распаду, то какова может быть альтернатива? Оговорюсь, что речь идёт не о сказочной идее достижения всеобщего счастья, его не было и не будет, а о формировании жизнеспособного и динамично развивающегося сообщества цивилизаций. Ни больше, ни меньше.

Перечислю лишь самые первые и неотложные шаги, без углубления в детали. Более того, разговор сейчас идёт только о том, *что* следует сделать, но не о том, *как*? Итак:

– перестроить общества в соответствии с принципом стратификации культурно-антропологических типов [1];

– сделать интеллектуальной и политической элитой общества 5–7% индивидуумов с выраженной *личностной ментальной доминантой*. Таков принцип новой меритократии;

– раз и навсегда отбросить любые эгалитаристские идеи и проекты культурно-цивилизационного «подтягивания» стран и народов, не приемлющих саму идею перманентного усложнения. Любую помощь таким странам следует свернуть;

– отбросить абстрактный гуманизм и пацифизм вместе с мифологией культурно-антропологического равенства. В основе новой, и причём, чисто светской морали – принципы постгуманизма;

– на агрессивное давление сил контрэволюции отвечать предельно жёстко и бескомпромиссно. На войне как на войне. Избавиться от инфантильного пристрастия к комфорту, безволия и мягкотелости.

Стратификация культурно-антропологических типов не должна иметь ни национальных, ни институциональных границ. Индивидуумы с личностной доминантой, где бы они ни родились, должны иметь обязательный доступ к образованию и социальным возможностям, соответствующим статусу меритократии. При этом пол, раса, этничность, сексуальная ориентация и физические недостатки не могут служить ни препятствием, ни преимуществом для обретения этого статуса. Главным героем наступающей эпохи должна стать *самоактивная, ответственная и самодостаточная личность*, а не полуобразованный потребитель среднерыночного уровня с мифологическо-рационалистической кашей в голове.

Так и только так может быть обеспечена реальная власть интеллекта, без которой дальнейшее эволюционное усложнение невозможно или, по меньшей мере, крайне затруднительно. Власть интеллекта, под которой никоим образом не имеется в виду власть так называемых левых «интеллектуалов», не будет раем, которого вообще никогда не было, и быть не может, но эта власть способна преодолеть системный кризис и обеспечить дальнейшее развитие. Что не так уж мало, особенно если учесть тупиковое состояние нынешней модели общественного устройства.

Какие конкретные шаги могут быть сделаны на этом пути?

Одной из тенденций современности выступает усиление не только экономической власти транснациональных корпораций (ТНК), но и полускрытого политического влияния их на деятельность правительств и международных организаций. Обычно этот факт преподносится в негативном свете, зачастую с привкусом конспироло-

гии. Во власти ТНК усматривают нечто зловещее, чуть ли не дьявольское. ТНК, разумеется, не ангелы, и претензий к ним можно предъявить немало. Но ничего страшного и деструктивного в усилении их власти нет. Напротив, в мире, где главные идентичности определённо смещаются в сторону цивилизационного образа жизни, именно ТНК и есть самый «продвинутый» властный субъект на фоне всё более анахроничных партий и правительств уходящей эпохи.

Задача выхода властных функций ТНК из тени и достижение ими нового уровня вполне может быть поставлена уже сегодня. Представим ситуацию: ТНК берут «в разработку» страну со статусом *failed state*, и эксперты проводят глубокий и доскональный анализ: способна ли она к модернизации. Если способна, тогда ТНК берут (принимают) её «на попечение» и, получая *всю полноту экономической и политической власти*, эту модернизацию проводят. Такая практика могла бы сделать современный мир намного лучше и безопаснее. Правда, для осуществления таких проектов ТНК должны располагать гораздо более мощным и профессиональным экспертно-аналитическим оснащением. Одними специалистами по экономике здесь не обойтись. Пока даже гениальные менеджеры и экономисты воспроизводят за пределами своей профессиональной специализации черты примитивной и фантастической картины мира. Но этот вопрос в принципе решаем. Думается, деньги ТНК надо соединить с немножко другими мозгами. И — поменьше экономизма и технократизма.

Что делать с «провальными» странами, которые будут признаны не подлежащими модернизации? А ничего. Пусть живут, как хотят: главное, чтобы не создавали проблем окружающим. Единственное, чем нельзя пренебречь, это право выбора. *В какой бы стране человек ни родился, он должен иметь право выбора цивилизационной среды, соответствующей его культурно-антропологическому типу.* Ни больше, ни меньше. Человек не должен иметь возможности вести паразитическую жизнь за счёт чуждой ему и более высокой, чем его собственная, цивилизации. Но и имея высокий от рождения потенциал, не должен прозябать в безнадёжной связанности со средой, в которой он имел несчастье родиться. Чтобы разобраться в этих вопросах и выработать соответствующие социальные технологии, не нужно никаких особых усилий. Нужны лишь осознание и воля.

Вернёмся, однако, к властным функциям ТНК. Если транснациональные корпорации станут реальным и полноценным центром власти в мире, то потребуются равносильный им противовес. Таковым может стать нечто вроде (о, ужас!) *Мирового правительства*. Глобальные вызовы требуют глобальных решений. Разве это не логично? Правда, конспирологи считают, что Мировое правительство уже существует, но они заблуждаются. Мирового правительства пока нет. Существующие международные организации, прежде всего ООН, ЮНЕСКО и некоторые другие, отвечать на глобальные вызовы современности не способны. Причиной тому их архаичность, организационное бессилие, бюрократизм, псевдогуманистическая бесхребетность и пронизанность леволиберальным духом. Даже Нобелевскую премию мира дают в основном людям с левыми взглядами. Организации эти не подлежат реформированию, их следует просто распустить.

Особой строкой следует отметить *бюрократический интернационал* — полупроявленную международную политическую силу, играющую в современном мире выражено негативную и деструктивную роль. Особенно велико влияние этой силы в «старой» Западной Европе, в структурах ЕС (Брюссельская бюрократия) и с ними

связанных. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы будущее мировое правительство выросло из этого ядовитого побега.

Вообще, если условно назвать предполагаемую новую модель *неомодерном* или Модернити-2, то её локомотивом, вероятно, могут стать страны не столько «старой» Западной Европы, сколько Европы Центральной (Восточной). В этих странах проявления кризиса, в силу более позднего вхождения в Модернити и ряда особенностей исторического опыта, не достигли таких масштабов. В самой же Западной Европе германо-скандинавский Север более устойчив и перспективен, чем романский Юг. Последний уже сейчас выглядит почти (?) безнадежным.

Итак, ТНК могут взять на себя глобальное управление мировой экономикой и ресурсами, а также модернизационное «подтягивание» проблемных стран, к такому подтягиванию стремящихся, и вписывание их в миро-экономику (И. Валлерстайн). В свою очередь, мировое правительство в сотрудничестве с ТНК обеспечивает политико-правовое регулирование международных отношений в глобальном масштабе. И здесь в основе принимаемых решений будут лежать не абстрактные правила, под которые подгоняется политическая практика, а решения, всякий раз диктуемые специфическим и неповторимым контекстом. Не будет никаких всеобщих (и, кстати, взаимоисключающих) принципов вроде нерушимости границ или права народов на самоопределение. В каждом конкретном случае будет рассматриваться особый набор обстоятельств, в силу которых могут приниматься решения о *свержении*, и более того, (о, ужас, ужас!) *физическом устранении* тех или иных диктаторов или правительств, или об изменении границ национальных государств. Никаких более высоких инстанций над тандемом ТНК и Мирового правительства не будет.

В этом случае особая ответственность ложится на экспертные структуры, на специалистов, которые, снова повторю, будут не просто подробно знакомить со своим мнением мусорные корзины, но самостоятельно принимать глобальные управленческие решения в области экономики, политики и т.д., а также заниматься стратегическим планированием.

Как здесь обеспечить должный уровень компетентности и ответственности? Как обойти всепроникающую коррупцию? Как уберечься от ошибок? В полной мере — никак. Речь может идти не об абсолютной, а лишь о максимальной эффективности. Так же, к примеру, обстоит дело и с преступностью. Полностью её победить нельзя, но бороться с ней с разной степенью успешности можно. И потому нужно.

В сообществе специалистов работает уже упомянутый прекрасный принцип анонимной перекрёстной экспертизы. Он достаточно быстро и эффективно отсеивает бездарей, шарлатанов, плагиаторов, болтунов и тому подобную публику. Иных способов обеспечить наиболее высокий профессиональный уровень принимаемых решений пока нет. Коррупция? Ну, куда ж без неё. «Человеческое, слишком человеческое...», жизненная изнанка любых институциональных функций. Но я почему-то убеждён, что в описанной модели задача минимизации коррупции будет решаться успешнее, чем сейчас.

Вообще, примечательно, что, когда излагается некий проект социального устройства в будущем, многочисленные критики дружно впадают в удручающе повторяющееся заблуждение. Они сравнивают предлагаемую модель с неким *абстрактным идеалом* и «ловят» автора проекта на несоответствии этому идеалу, которого никогда не было, и быть не могло. Между тем сравнивать предлагаемую модель следует

не с воображаемой утопией, а с существующим положением дел. Пусть критики покажут, что теперешнее мировое устройство лучше, умнее, эффективнее, жизнеспособнее, чем то, что предлагается. Сделать это трудно хотя бы потому, что к наличной действительности человек слишком привыкает. Да ведь и культура всеми силами внушает ему: всё, что ты видишь вокруг себя, — единственно возможная и уж, во всяком случае, единственно правильная действительность. Но если дать себе труд от этих внушений абстрагироваться, то неоптимальность и неэффективность существующих порядков, традиций, законов и решений станут столь очевидными, что мысль: «с этим надо что-то делать» — придёт сама собой. Просто надо наличную действительность мысленно свернуть до проекта, до модели и уже её сравнивать с моделями иными.

Не принимая новую идею по существу, обычно начинают цепляться к деталям или их отсутствию. Начинаются бесконечные вопросы: а как? а зачем? а почему? а каким именно образом? и т.д. и т.п. Признаюсь сразу, деталей почти не представляю. Но знаю одно: в истории людям приходилось решать задачи и посложнее, а для детальной проработки изложенной выше модели уже есть все необходимые условия, кроме... Кроме осознания и воли. Кроме готовности преодолеть инерцию прошлого и перестать высматривать будущее в этом самом прошлом.

Итак, вновь о главном.

Место постмодернизма — в литературе и эстетике. Долой постмодернизм в общественной жизни, политике и морали!

Долой и все его дискурсы и порождения: политкорректность, мультикультурализм, пацифизм и леволиберальную идеологию.

Напротив, истина, если не в высоком философском смысле, то, по меньшей мере, в смысле прагматическом, восстанавливается в правах. Долой намеренную и лукавую смысловую невнятность и неопределённость! Восстанавливается в правах также и бинарный принцип операционального (но не метафизического) различения своего и чужого, добра и зла, правды и лжи, и т.д.

Реабилитируются также принцип иерархии и иные ниспровергнутые постмодерном когнитивные структуры.

Весь комплекс предлагаемых мер можно объединить идеей движения к **неомодерну**. Речь идёт не о повторении пройденного: в истории никому никогда ничего возродить не удавалось, — но о движении вперёд и перерождении, которое только и может вывести из кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелипенко А.А. Контрэволюция. — М.: Знание, 2016.

BIBLIOGRAPHY

1. Pelipenko A.A. Kontrevolyutsiya. — М.: Znanie, 2016.

Поступила в редакцию 22.07.2016 г.